

Нехватка Другого (гуманизм и кризис гуманитарного сознания)

Начинается день и дневные дела,
Но треклятая месса уснуть не дала,
Ломит поясницу и ноет бок,
Бесконечной стиркой дом пропах...
— С добрым утром, Бах, — говорит Бог,
— С добрым утром, Бог, — говорит Бах.
С добрым утром!..

А. Галич

В современном интеллектуальном сообществе активно обсуждается кризис гуманитарного сознания¹. Однако обсуждать вопрос о кризисе гуманитарного сознания — значит говорить о кризисе гуманизма, а ближайшим образом — о кризисе постхристианского гуманизма, то есть о ситуации, сложившейся в Европе, начиная, условно, от Великой французской революции и до наших дней. До этого момента гуманизм как принцип новой европейской культуры покрывал купол христианской веры и человек, утверждавший себя в качестве микрокосма и сотворца этого мира, того, кто продолжает творить, подражая Творцу, утверждал себя в земном мире, но делал это, подражая Богу и им данному миру (гуманизм под небом христианства). Однако с конца XVIII-го века европейская культура отбрасывает веру и человек утверждает себя только в горизонтальном измерении этого мира. И уже вскоре приходит осознание того, что этот идеал (идеал свободной и творческой индивидуальности) извращается в тех установках, которые утверждаются силой восходящего класса бюргеров (буржуазии, мещан). Уже романтики были озабочены преодолением кризиса и пытались утвердить в своих творениях идеалы подлинного гуманизма (одни романтизировали прошлое, другие — будущее).

В этой связи возникает вопрос: если гуманизм находится в состоянии кризиса уже третье столетие, вправе ли мы

¹ *Рымарь Н. Т.* Кризис гуманитарного сознания // Свежая газета. Культура. 2017. №№ 1–3 (109–111).

пользоваться термином «кризис»? Если «кризис» — это поворотный пункт, переходное состояние, то кризис гуманизма должен разрешиться или «выздоровлением» (возрождением), или гибелью гуманистической культуры и рождением какой-то иной формы жизни и сознания. Однако мы не можем сегодня сказать, что он разрешился. Он становится глубже, но не разрешается. Остается предположить, что пребывать в зазоре между жизнью и смертью — естественное для постхристианского гуманизма состояние. Он не проходит *через* кризис, он в нем живет.

Культура и цивилизация. Прежде чем говорить о причинах перманентного кризиса постхристианского гуманизма, стоит уточнить значения, в которых термины «культура» и «цивилизация» будут пониматься в этой статье. Культуру я определяю как совокупность практик, вещей и отношений, выстроенных вокруг того, что признается самоценным (абсолютным). Ее ничем не заменимая функция состоит в утверждении и удержании метафизического измерения в жизни человека и общества. Отличительная особенность культуры как формы существования человека и общества — ее бесполезность с утилитарной точки зрения. Если культура и приносит «пользу», то состоит она в утверждении бытия того, что бесполезно, что хорошо само по себе. Культура необходима для воспроизводства человеческого в человеке, для сохранения многомерности субъекта. Удержание вертикального измерения присутствия позволяет человеку удерживать дистанцию и по отношению к текущей ситуации, и по отношению к «миру». Культура живет стремлением к Другому. Она не обслуживает практические интересы. Она живет идеей служения. Служение (в отличие от обслуживания частных целей) возможно там, где человек или общество направляют внимание на вещи, которые хороши сами по себе, самоценны.

Цивилизация, в отличие от культуры, представляет собой совокупность практик, вещей и форм общения, нацеленных на удовлетворение конкретных запросов индивидуальных и коллективных тел (питание, безопасность, отдых, положение в обществе, власть и управление, etc.). Без цивилизации ни одно общество обойтись не может, но и без культуры человеческое общество существовать не может. Цивилизацию не

обязательно мыслить как форму жизни, сменяющую культуру (как полагал О. Шпенглер²); цивилизация сосуществует с культурой и в определенных условиях может доминировать над ней, подавлять ее. Как показывает исторический опыт, победа цивилизации над культурой предвещает ее скорое (по историческим меркам) крушение. Общество, лишенное вертикального измерения (утратившее связь с Другим), обречено на гибель, хотя жизнь-без-культуры какое-то время возможна. Если исходить из продолжительности жизни отдельного человека — это время можно оценить как длительное.

Шаткая постройка. Гуманистическое сознание пост-христианской эпохи двойственно, поскольку человеческая природа дает основания как для игры «на понижение», так и для игры «на повышение». В человеке есть то, что может превратить его в раба (в заложника) необходимости, но есть в нем и иное начало. Метафизическое начало позволяет ему дистанцироваться от сущего и уходить из сетей «мира сего». Гуманистическое сознание может исходить из образа земного человека, освободившегося от «идеалистических предрассудков», *делать ставку на подчинение разумной воле окружающего мира* (мир как «мастерская» и «кладовая»), на максимальное удовлетворение его потребностей с помощью разума и техники (технократическое сознание). Но акценты могут быть расставлены и по-иному. Отправной точкой может стать метафизическое начало в человеке, его свобода, способность к трансцендированию, стремление к познанию последних целей (смыслов) истории и мироздания (назовем такую ориентацию *гуманитарным* сознанием).

Первая версия гуманизма акцентирует внимание на целях, достижимых внутри мира, на решении технических проблем, как если бы вопросы о последних смыслах бытия уже были решены и осталось решить множество частных вопросов. Данный тип гуманизма исходит из понимания человека как социального, сексуального, рационального (и т. д.) животного и ориентирован на решение условных, частных проблем. Такое понимание человека лежит в основе цивилизации как общества,

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. М. : Мысль, 1993.

нацеленного на достижение бесконечных по числу, но каждый раз ограниченных, частных целей.

Вторая версия гуманизма делает акцент на «внутреннем человеке», на «человеке в поисках смысла». Здесь во главу угла ставится самоопределение индивида в горизонте предельных вопросов. Отправляясь *от метафизического истока* человеческого существования, люди *гуманистического* сознания становятся людьми *гуманитарного* сознания. Они исходят из ценности философского вопрошания, эстетического опыта, из морального сознания, из творчества, etc. Гуманитарное сознание — *ядро гуманистической культуры*. Человек, озабоченный предельными вопросами, уже в своем вопрошании обнаруживает нужду в том, что хорошо само по себе (в абсолютном). Он производит себя в предельном горизонте даже и тогда, когда не находит удовлетворительного ответа на свои вопросы. Уже само вопрошание о том, что имеет ценность само по себе, — это форма существования безусловно ценного в человеке. С помощью понятия «гуманитарное сознание» можно описать и особый порядок жизни человека эпохи постхристианского гуманизма, и особую область гуманитарного познания и образования.

Итак, двойственность гуманизма делает его шатким. В культурном своем измерении он постулирует безусловные ценности и ориентирует человека на служение добру, истине, красоте, свободе, etc.³, в цивилизационном измерении он исходит из того, что «человек есть мера всех вещей», и тем самым подрывает авторитет гуманистических ценностей, включая и ценность человека.

Если принципом организации общества становится человек и его благополучие («все во имя человека все для блага человека»), а безусловное достоинство человека не подкреплено и не ограничено связью с абсолютом, тогда признание за индивидом безусловных прав повисает в воздухе. Безусловная ценность человека — не более, чем предмет гума-

³ Очевидно, что высокая версия постхристианского гуманизма связана с христианской традицией, живет религиозными по своей сути установками, но переносит их на ценности культуры. По мере дальнейшего ослабления христианского наследия в культуре модерна и постмодерна гуманитарное сознание теряет почву, теряет основание.

нистической веры. Но веру эту прочной не назовешь. Слишком очевидно, что сам по себе человек — не Бог. Он вновь и вновь наталкивается на собственное несовершенство: на свою алчность, зависть, предательство, жесткость, трусость, лень... Даже общество, сделавшее ставку на человека, относится к нему как к потенциальному преступнику (развитие законодательства в гуманистическую эпоху — это непрерывное движение ко все более детальной, мелочной регламентации человеческого поведения, основанной на недоверии к нему).

В логике антропоцентризма все в человеческом мире (в отличие от мира природного) понимается как производное его деятельности. Но человек — ограниченное существо, следовательно, то, что им произведено, тоже условно и должно рассматриваться инструментально. Лишенные сакральной санкции идеи, вдохновлявшие когда-то гуманистическую культуру (добро, красота, истина, совесть, любовь, милосердие, творчество, etc.), релятивизируются и воспринимаются как социальные и ментальные конструкты. В результате они утрачивают свою способность к вертикальному структурированию общественного сознания. Идеям больше не служат, их используют в интересах цивилизации. В пределе цивилизация имеет дело только с инструментальными, а потому подающимися «счету» ценностями.

Инструментальные ценности вытесняют ценности культуры уже давно, но с XX-го века последние были оттеснены на периферию общественного сознания. Там, в стороне от широкой дороги цивилизации, людям гуманитарного сознания (как, кстати, и верующим людям) «свободное» и богатое общество позволяет (пока позволяет) говорить, писать и общаться с себе подобными. Я говорю «пока», потому что в гуманистической по происхождению и технократической по сути цивилизации люди, наделенные властью, время от времени задаются вопросом: «А зачем это нужно государству, обществу? Какая от этих людей польза?»⁴ И все же инерция прошлого, память о жизни в пространстве, структурирован-

⁴ Анализ культуры эпохи «восставших масс» можно найти в трудах многих мыслителей и, в частности, у Хосе Ортеги-и-Гассета (см.: *Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды*. М. : Весь мир, 2000).

ном культурными ценностями и институтами, не позволяет радикально покончить с «непроизводительными расходами». Людям гуманитарного сознания даже подыскивают работу, предлагая, на выбор, разные варианты: поработать на либеральную или национальную идею, поискать вакансий в рекламном бизнесе или в журналистике, попробовать себя в индустрии туризма и т. д.

Как видим, гуманистическое сознание двойственно. Оно может актуализироваться в форме прикладного (*технократического*) сознания, нацеленного на решение практических задач, а может — в форме *гуманитарного* сознания, нацеленного на предельное вопрошание, на созерцание и творчество, на сборку человека вокруг того, что хорошо само по себе. Именно исходной двойственностью постхристианского гуманизма обусловлена его неустойчивость. Чем они дальше от периода ее формирования и утверждения, тем быстрее ценности и установки культуры вытесняются/замещаются ценностями гуманистической цивилизации.

На данный момент постхристианская гуманитарная цивилизация приобретает форму *техноцентризма* (то есть антигуманизма). На смену антропоцентризму приходит (как полагают некоторые) трансгуманизм. Теперь не столько техника служит человеку, сколько человек подстраивается под технику, обслуживает и совершенствует техносферу (сегодня считается предосудительным и «диким» сомневаться в том, что обновление технических систем всегда и «по определению» хорошо, что любые «инновации» — это благо). Верить в технику, превращать ее в фетиш, — не умно, но это не мешает многим людям продолжать верить в то, что ее развитие «решит все проблемы».

Однако и гуманитарное сознание также переживает кризис. Отправляясь от встроенной в человека метафизики, мыслители «гуманитарного профиля» приходят к разным выводам относительно «судьбы гуманизма». Гуманитарное сознание рождает из своих глубин не только апологетов «гуманитарного мышления», но и его критиков. Одни мыслители отстаивают антропоцентризм в качестве базового принципа и обосновывают право человека на свободу проектирования своей сущности и переконфигурирования окружающего мира

(как, например, Ж.-П. Сартр⁵), другие возвращаются к онто-центризму (к человеку как послушнику Бытия) и отказываются от идеалов гуманизма (М. Хайдеггер⁶), третьи стремятся к возрождению культуры на принципах тео-центризма и/или христианского гуманизма (как, например, большинство русских мыслителей первой половины XX века, мечтавших о построении «религиозной культуры» как о выходе из тупика, в котором оказалась постхристианская Европа⁷).

Отказ многих выразителей гуманитарного сознания от антропоцентризма как установки сознания — не случайность. Это результат продумывания его основоположений и исторического опыта реализации проекта Просвещения. Отказ от обожествления человека связан как с осознанием кризиса гуманизма в постхристианскую эпоху, так и сознанием того, что сохранить и утвердить достоинство человека можно лишь через признание его мерой Другого. До тех пор, пока мерой состоятельности человека оказываются «условные величины», все то, что можно сосчитать, поставить в ряд (деньги, успех, достаток, общественное признание, окружающие человека вещи и т. д.), он будет идти по пути упрощения и уплощения.

Проблема постхристианского гуманизма в том, что человек в нем теряет ранее набранную «метафизическую высоту», утрачивая масштаб, с которым он мог бы соотнести свою жизнь. Избрав своим «другим» (своим зеркалом) самого себя (или другого человека: Петра, Ивана...), он снижает планку и играет на понижение (сегодня все чаще «другим» становится даже не Пётр, а «сетевой Пётр»). Если твой Другой/Друг — Бог, Бытие, Истина (Другой с заглавной буквы), это одна ситуация. Если другой — «ближний» или «дальний» — это иной расклад существования.

⁵ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М. : Политиздат, 1989. С. 319—344.

⁶ Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: Статьи и выступления / М. Хайдеггер. М. : Республика, 1993. С. 192—220.

⁷ Бердяев Н. А. Духовное состояние современного мира // Философия творчества, культуры и искусства / Н. А. Бердяев. М. : Искусство, 1994. С. 485—499.

Ситуация кризиса имманентна для постхристианского сознания и свидетельствует о шаткости оснований гуманистической культуры. Драматизм положения, в котором мы сегодня находимся, не в крушении гуманизма как принципа общественного устройства, а в том, что в пространстве постхристианского гуманизма гибнут человек и культура. Спасти полноту человеческого присутствия, не покидая тесных пределов гуманистического сознания, не восстановив общения с Другим, – невозможно. Перед радикальностью этого вызова отходит на второй план то, в какой форме это общение восстанавливается: безличной (философия, искусство) или в личной форме отношения к Богу («Благ еси Ты, Господи!»). То, что такое восстановление возможно для «Ивана» или «Анны», не вызывает сомнений. Но сохраняется ли эта возможность для постхристианского общества? Вопрос остается открытым, хотя поводов для оптимизма не так много.

Уравнение Аристотеля. После победы светского гуманизма (с конца XVIII-го века) культура и цивилизация какое-то время (примерно до начала первой мировой войны) находились в относительном равновесии. В конце XVIII-го – первой пол. XIX-го века философия, литература, музыка пережили один из самых ярких и плодотворных периодов своей истории. Однако по мере развития гуманистической цивилизации и ослабления авторитета ценностей культуры социальный статус философии, искусства, гуманитарного образования (etc.) оказался под вопросом. И если в XX веке их признание со стороны общества снижалось, но медленно, то сегодня под вопросом находится само их существование.

Пантеистическая (космоцентрическая, онтологическая) установка античности, теоцентрическая установка христианства давали человеку метафизическую точку опоры. Основываясь на связи человеческого разума (античность) или его духа (христианство) с вечным началом мира, с Истиной, эти общества поддерживали формы деятельности, обеспечивавшие связь человека с безусловным первоначалом. И хотя дистанция между теизмом и пантеизмом велика, но в этих формах сознания приравнивание бесполезного и лучшего не казалось абсурдом. Вспомним «уравнение» Аристотеля, соединившего совершенство и бесполезность в определении

метафизики. Философия для него — это знание ради понимания, а не знание ради пользы. «Все другие науки, — заявляет философ, — более необходимы, нежели она, но лучше — нет ни одной»⁸. Полезно то, что служит внешней цели. Извлекая из чего-то пользу, мы обнаруживаем нашу несвободу. Чем свободнее наука, тем она чище и бесполезнее с точки зрения грубого утилитаризма. Философия, по Аристотелю, «существует ради самой себя»; свободному человеку лучше всего заниматься именно ей. Занимаясь первыми началами сущего, метафизика устремлена к тому, что ни в чем не нуждается, и что, следовательно, божественно. Отсюда вывод: «всякая наука о божественном» — «божественна».

Аристотель (если интерпретировать его тезис о лучшем-как-бесполезном в терминах разграничения культуры и цивилизации) высказывается, исходя из ситуации, в которой культура возвышалась над цивилизацией. Современный человек исходит из прямо противоположной интенции. Для Аристотеля (если говорить о «ценностной» иерархии познания) выше всего стоит теоретическое знание (философия, физика, математика), ниже его — практическое знание (этика, политика, экономика) и творческое (поэтика, медицина и др. искусства и ремесла). Причем в рамках теоретического, то есть созерцательного, не связанного с практикой знания, представленного у Аристотеля философией как наукой о первых причинах всего сущего, физикой (наукой о природе) и математикой, первенство отдается максимально далекой от ближайших нужд человека метафизике.

Сегодня ситуация противоположна той, что зафиксирована в «уравнении» Аристотеля: наибольшую ценность и государство, и общество видят в практическом знании (технические науки, юриспруденция, практическая социология, экономика, соединенная с управлением, практическая психология, история на службе идеологии и т. д.), далее следуют прикладные исследования, напрямую связанные с техникой и социально-экономической прагматикой жизни, за ними — фундаментальные исследования (естественные науки, математика, теоретические социология, экономика, юриспруден-

⁸ *Аристотель. Метафизика. Кн. I, гл. 2 // Соч. в 4-х томах. Т. 1 / Аристотель. М. : Мысль, 1974. С. 70.*

ция...), а в конце списка находятся еще более сомнительные в плане «практического эффекта» гуманитарные науки (не вовлеченная в политику история, литературоведение, искусствоведение и т. д.). Замыкает список философия.

При этом характерно, что попытки оправдать и защитить теоретическое знание (фундаментальные исследования) основываются сегодня на странной, если оценивать ее с аристотелевских позиций, и унижительной для теоретического знания аргументации: «Без развития теоретической физики, астрономии, биологии, без чистой математики не могли бы развиваться прикладные исследования, а без прикладной науки не могла бы развиваться техника! Следовательно, фундаментальная наука имеет право на существование и поддержку общества». Важность технических знаний (от программирования машин с искусственным интеллектом до умения программировать поведение людей с помощью инструментов психологического манипулирования в рекламе, политике, медиа-сфере) представляется чем-то само собой разумеющимся. Все прочие формы знания должны оправдать свое существование через причастность к горизонтально ориентированным практикам.

Послесловие. Только очень самонадеянный человек может решиться на предсказание будущего. Очевидно, что разбуженные постхристианским гуманизмом «духи» наделены огромной силой, а направленность общественного развития не внушает оптимизма тем, кто по-прежнему играет на стороне культуры. И хотя инерция этого движения велика, ситуацию нельзя признать безнадежной, пока у нас остается возможность делать то, что хорошо само по себе. Кто-то «из людей культуры» связан с образованием, кто-то — со средствами массовой информации, есть среди них и те, кто работает в органах государственного управления, кто вовлечен в политику; многие воспитывают детей и внуков; все общаются с соседями и друзьями. Следовательно, есть возможность менять ситуацию. Независимо от «эффективности» наших усилий, их позитивным результатом будет сознание того, что нами делается то, что действительно важно. Сумеет ли человек (прежде всего, европеец, втянувший в орбиту своей цивилизации весь мир) избежать саморазрушения, никто сказать не

может. Но людям *культуры*, как и людям верующим, стоит, не теряя бодрости и твердости духа, «делать, что должно».

Не будем же отказывать себе в удовольствии противодействия попыткам свести человека к потребляющему и занимающемуся самоудовлетворением существу, совмещенному с искусственным интеллектом. Очень может быть, что выпущенного из бутылки джинна обратно не загнать. Мы стоим перед трагической альтернативой: или человек с Божьей помощью совладеет с хаосом и энтропией в себе и в окружающем мире и сохранит в себе Бога (Другого), или Бог перестанет в нем отображаться, и его душа разобьется на множество мелких осколков.

Если спасение культуры как формы воспроизводства человеческого в человеке возможно, то его необходимым условием будет отказ от принципов постхристианского гуманизма, обнаруживших свою неспособность удержать человека от саморазрушения и уплощения. Только в соотнесенности с Другим, в общении с ним человек сохранит возможность восстановить полноту присутствия и свободу в отношении к природе, обществу и технике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Метафизика. Кн. I, гл. 2 // Соч. в 4 т. Т. 1 / Аристотель. Москва : Мысль, 1974. С. 70.
2. *Бердяев Н. А.* Духовное состояние современного мира // *Философия творчества, культуры и искусства* / Н. А. Бердяев. Москва : Искусство, 1994. С. 485–499.
3. *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды. Москва : Весь мир, 2000.
4. *Рымарь Н. Т.* Кризис гуманитарного сознания // Свежая газета. Культура. 2017. №№ 1–3 (109–111).
5. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. Москва : Политиздат, 1989. С. 319–344.
6. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Время и бытие: Статьи и выступления* / М. Хайдеггер. Москва : Республика, 1993. С. 192–220.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. Москва : Мысль, 1993.